

О ВОЗМОЖНОСТЯХ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРИЕМОВ ЭТИМОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Нет никакой надобности подробно обосновывать утверждение, что приемы этимологических исследований до наших дней остаются весьма несовершенными; об этом свидетельствует большое число слабо обоснованных и частью явно неверных этимологий в литературе даже самых последних лет, как и нередкое разнообразие мнений, высказываемых по поводу одного и того же слова. Это с особенной яркостью отражено, между прочим, в последнем по времени этимологическом словаре русского языка М. Фасмера, откуда мы и будем черпать наши иллюстративные примеры, показывающие причины недостаточности современных приемов этимологизации во многих отношениях. Причины эти в основном следующие: неполнота охвата фактического материала лексики изучаемых языков и языков, связанных с ними отношениями заимствований, слабый учет социальной стороны явлений, отрыв от реалий в соединении с чрезмерной отвлеченностью построений и со слабостью исторической канвы, чересчур прямолинейное понимание внутреннего развития лексики языка и т. п. Говорить обо всех этих явлениях, часто предопределяющих и объединяющих как объективные, так и субъективные элементы мышления этимолога, без надлежащих образцов почти бесполезно, почему мы и переходим к конкретным примерам из «Russisches Etymologisches Wörterbuch» М. Фасмера, привлекая также и первый выпуск русского перевода.

Предварительно отметим только, что частично относящиеся сюда предварительные теоретические соображения — с соответствующими комментариями и примерами — можно найти в нашей работе «Из истории лексики языков Восточной Европы» (Л., 1957).

Здесь мы займемся дальнейшим развитием и уточнением содержащихся там общих положений. Начнем с кажущегося почти тривиальным примера: «*густера* — рыба ‘*Cyprinus vimba*, вымба’. По Горяеву (ЭС 85), заимств. из нем. диал. *Güster*» (Фасмер, русск. перев., I 478).

Эта краткая справка неверна, так как слово *густера* чисто славянское и образовано так же, как *детвора*, *мошкара*, *кожура*, *деньжура* и прочие собирательные этого рода.

Как говорит крупнейший русский ихтиолог Л. П. Сабанеев¹, «весной и осенью густера держится чрезвычайно густыми стаями, откуда и произошло ее общеупотребительное название».

Можем добавить, что густота хода этой рыбы (*Abramis blicca*, *Blicca bjögna*) представляет явление совершенно исключительное: рыболовный сачок можно «воткнуть» в середину стаи и он будет стоять вертикально.

Заметим, что в русском языке существует другое (диалектное) значение слова *густера*: 'густой молодой лес', 'лесная чаща'. Все эти обстоятельства позволяют категорически утверждать, что немецкие диалектные формы *Guster*, *Güster*, *Geuster* взяты из славянских данных, соответствующих русскому *густера*, — вопреки утверждению Н. В. Горяева, принятому М. Фасмером. Заметим, кстати, что вообще многие немецкие названия рыб произошли из лексического запаса славянских языков — в связи с германизацией многих групп западных славян, как показывают многочисленные немецкие грамоты IX—XIV вв.²

Итак, чему учит нас этот первый элементарный пример? Во-первых, отсюда можно заключить, что Фасмер в некоторых случаях безоговорочно доверяет мало надежным этимологическим справкам, некогда представленным без достаточного основания этимологами-начинателями (Горяев, 1896 г.). Подробное изучение словаря Фасмера в целом позволяет с полной определенностью утверждать, что большая часть статей этого словаря представляет только повторение мнений других авторов, причем эти мнения в большинстве случаев требуют пересмотра, как это имеет место в примере *густера*.

Во-вторых, уже на этом примере мы видим недостаточное знакомство с теми реалиями, которые определяют действительное происхождение слова, — и это не исключение, а почти правило.

Наконец, следует обратить особенное внимание на отсутствие учета того, что заимствование в русский язык названия широко распространенной рыбы из немецких диалектных данных является совершенно невероятным, не соответствуя никаким действительным историческим обстоятельствам, определяющим источник и направление заимствований в данном случае.

Это отсутствие внимания к историческим возможностям вызывает неправильные выводы этимологов во многих аналогичных примерах.

Перейдем теперь к другому примеру.

В словаре Фасмера нередко обнаруживается малое знакомство с русскими диалектными данными. В качестве типичного примера можно обратить внимание на рядом стоящие статьи *выскидь*, *выскорь*, *выскорь*, представляющие смешение верного и неверного:

¹ «Рыбы России», т. II, Изд. 2. М., 1892, стр. 206.

² См.: А. И. Попов. Из истории лексики языков Восточной Европы. Л., 1957, стр. 72 и прим. 1, 2.

сначала правильно определяется этимология первых двух слов, а потом начинается привлечение материала, не имеющего сюда никакого отношения, — в связи со словом *выскорь*, представляющим лишь диалектный вариант того же самого *выскидь*. Впрочем, обширное предприятие по систематическому изданию русской диалектной лексики только начато Ф. П. Филиным, так что ошибки Фасмера имеют некоторое оправдание; таких ошибок в общем в словаре много.

Иногда они поражают; таково, например, толкование слова *бахмур* 'тошнота, головокружение', нижегород.-макарьевск. (Даль). М. Фасмер говорит здесь: «Я понимаю как словосложение с *хму́ра* 'темнота, туча'. Первая часть, вероятно, междометие *ба*, следовательно, первонач.: „что за темнота“. Ср. аналогично *калу́га*, *калу́жа* от *лу́жа*».

Между тем *бахму́р* есть правильная русская передача тюрко-арабского *тахтур* — ср. татар. *махмыр* 'похмелье', тур. *тахтур* 'пьяный, похмельный', чуваш. *мухӓр* 'похмелье' и т. д., причем это арабское по происхождению слово попало во все финно-угорские языки Поволжья, венгерский (*tátor*), афганский и др. Л. Э. Будагов в своем «Сравнительном словаре турецко-татарских наречий» (т. II. СПб., 1891, стр. 218) переводит: тюрко-араб. *махмуръ* «находящийся в пьянстве (не совсем вытрезвившийся от пьянства)». Напомним еще, что акад. Н. Я. Марр в свое время считал это слово образцом настоящего, типичного заимствования. Это еще раз показывает, как важно рассматривать все окружение диалектного слова, чтобы определить его подлинное происхождение.

Заметим, наконец, что *бахмур* или *бохмур* отражено и в топонимике в достаточно раннюю пору; так, например, в писцовых книгах XVI в. по тогдашнему Тверскому уезду упомянуто селение *Бохмуровка*.

Совершенно не видно в словаре и влияния материалов этнографии. Особенно ясно это на примере статьи *голубец* (русск. перев., т. I, стр. 427). Здесь проводится очень давно высказанное, но совершенно невероятное мнение о заимствовании русских слов *голубец*—*голубец* из древнескандинавских данных (др.-сканд. *golf* 'пол, отделение'/швед. *golf*). Древнерусские данные показывают с несомненностью, что голубцы, или голбцы, были п р и ц е р к в а х (в Киеве, Новгороде Великом, Полоцке и других местах), служа частью для погребения, а позже — для хранения товаров, а иногда и для жилья. Так или иначе, эти устройства связаны были тогда исключительно с церквами, — и эта традиция продолжается и ныне в том смысле, что имеется много местностей, где словом *голубец* или, чаще, *голубец* обозначается 'надгробный памятник' особого устройства (из камней или из дерева), со стенами и крышей, на вершине которой утверждался крест; внутри голубца ставили икону, а около стен — скамьи (Донск., Орловск. и др. места). Этнографический материал, сюда относящийся, весьма обширен,

что и дает повод высказать предположение о связи *голубца*—*голубца* с римским *колумбарием* (впервые, по-видимому, Д. К. Зеленин). Разумеется, здесь понимается не первоначальный смысл лат. *columbarium* ('голубятня'), а более поздний: 'ниша в склепе, в которой помещаются урны с прахом умерших', а также 'здание (подземное обычно), в котором были ниши с урнами', 'склеп'.

Русское *голубец* есть, таким образом, книжная калька с латинского (или греко-византийского): по образцу пары *columba*—*columbarium* христианским духовенством построено русское соответствие *голубь*—*голубец*. От духовенства это слово (*голубец*) проникло во многие русские говоры, как и в целый ряд других языков (финский, удмуртский и др.) — на севере часто с переменной ударения и последующим изменением фонетического облика (*гблбец*). Отвергать это предположение нет оснований, так как дальнейшая эволюция семантики является вполне понятной.

Заметим, что область распространения слов *голубец*—*голубец* слишком широка для возможности допущения мысли о скандинавском заимствовании; также невероятна и допускаемая здесь эволюция семантики от общего понятия ('пол, подполье') к весьма специальному ('надгробный памятник').

Словом, имеются серьезные основания для отрицания старой скандинавской этимологии слов *голубец*—*голубец* и, во всяком случае, для полного пересмотра всего относящегося сюда материала.

Надо заметить здесь, что в только что появившейся статье А. С. Львова, специально посвященной слову *голубец*³, подобран значительный материал, свидетельствующий в пользу высказанного нами мнения. А. С. Львов совершенно справедливо говорит, как когда-то И. А. Шляпкин, о неприемлемости скандинавской этимологии; особенно ценным является его вывод о церковном (собственно, вообще культовом) происхождении голбцов—голубцов. Однако материалы и соображения И. А. Шляпкина⁴ и Д. К. Зеленина остались ему неизвестными (во всяком случае, он о них не упоминает).

А. С. Львов ищет здесь решения в праславянской древности, хотя, по-видимому, хронологически оно ближе к нам, если считать форму *голубец* основной и прямо сближать пару *голубь*—*голубец* с *columba*—*columbarium*, относя возникновение подобной кальки примерно к начальному времени христианства на Руси⁵. Конечно, очень соблазнительно было бы возводить этимологию слова *голубец* к обстоятельствам древнеславянского языческого

³ «Этимологические исследования по русскому языку», вып. V. МГУ, 1966, стр. 60 сл.

⁴ «Зап. Русск. Слав. отд. Археол. Общ.» 7, 51. СПб., 1907.

⁵ Или несколько позже. Первое упоминание о голубце относится к XII в., когда князь Ярополк Владимирович был похоронен (1139 г.) «в голубце у церкви св. Андрея» (Н. М. Карамзин. ИГР, т. II, гл. IX, прим. 269. СПб., 1842).

обряда трупосожжения (ср. римские колумбарии), но это весьма гадательно. Вероятнее всего все-таки церковное происхождение термина *голубец*—*голбец*. Подчеркнем еще раз, что древнейшие упоминаемые в источниках голубцы XII—XV вв. всегда связаны с церквями⁶.

Следует отметить, что в словаре Фасмера мысль о сближении голубца с колумбарием ошибочно приписывается И. А. Шляпкину и Д. К. Зеленину; в действительности только второй из них защищал это сближение, тогда как Шляпкин отвергал его — по-видимому, на том же основании, что сам Фасмер, т. е. вследствие недостаточного знакомства с историей колумбария как места захоронения, склепа.

Подобного рода сомнительных этимологий, некритически принятых чужих мнений, прямых — часто совершенно элементарных — промахов у Фасмера множество.

Заметим попутно, что особенно слаба в словаре ономастическая часть, где находим почти повсюду фантастические этимологии: *Свинорт* (*Свинорд*) — будто-бы из *Свиной рот* (отметим, что Фасмер неверно помещает его на Ловати — вместо Шелони), *Ворскла* (древний *Вороскол*) — от *ворчать* (!?), *Галич* от *галка* и т. д., и т. п. Даже фамилию *Евлахов*, происходящую от *Евлах(а)*—*Евламний*, Фасмер выводит из племенного имени *валах*. И в тех случаях, когда он в общем правильно передает основу данной другими этимологии, эта передача оставляет обычно желать лучшего.

Возьмем, например, статью *Арзамас* (русск. перев., I, стр. 86), где сказано: «По мнению Паасонена (JSFOu. 21, 6 и сл.), город называется на морд. м. языке *Erzamas* от *erza* 'эрзя'...»

Однако здесь нет ни слова о том, что *Арзамас*, или *Арзemas*, есть бывшее в ходу еще 300 лет назад мордовское личное имя — в длинном ряду аналогичных имен: *Вечкомас* (*Вешкомас*), *Инемас*, *Полдомас* и т. п., хорошо нам известных по памятникам XVII в. (писцовые книги, десятины, различные акты). Географические названия типа *Арзамас* произошли все от соответствующих личных имен. Без этого указания статья *Арзамас* остается неполной и неясной.

Еще раз подчеркнем крайнюю слабость топонимического и вообще ономастического отдела словаря Фасмера. Вместо тщательного изучения относящегося сюда огромного исторического материала топонимики—этнонимики—антропонимики этот автор повторяет совершенно неоправданные мнения, часто весьма странного характера. Например, в подавляющем большинстве случаев названия рек приписываются значения: 'влага' (отсюда будто бы *Волга*!), 'мокрота', 'течение', что на самом деле бывает только в виде редчайших исключений — единицы на тысячи названий.

⁶ Полоцкая княжна Ефросиния (1101—1173) жила в голубце при Софийской церкви (Н. М. Карамзин. ИГР, т. II, гл. VIII, прим. 251).

Перейдем к другим примерам. *Табанить, таванить*. Мы указываем этот пример, который имеется у Фасмера, только для того, чтобы подчеркнуть проявляемую им и н о г д а разумную осторожность в суждениях, возникающую ввиду несоответствия предполагаемых возможностей заимствования и территориальным распространением изучаемого слова.

Действительно, Фасмер пишет: «*табанить, таванить*. . . das Boot wenden, indem man nur auf einer Seite rudert, Arch. (Podv.), Kolyma (Bogor.). Die Verbreitung des Wortes macht die Herleitung aus wogul. touam, touantam „rudern“ . . . zweifelhaft». И в самом деле, если рассмотреть распространение этого областного слова, то окажется, что оно встречается на Юге, как и на Севере, всюду имея тот же смысл: 'грести веслами в обратную сторону', 'приставать к берегу', 'давать задний ход лодке', 'грести веслами в з а д п я т' и т. п.

Известный *Таванский перевоз* на Нижнем Днепре существовал уже в XV в., будучи, несомненно, еще раньше устроен здесь монголо-татарами для удобства торговых сообщений, как и перевозки на Дону и Волге.

Поэтому, естественно, отпадает всякая возможность объяснять слово *табанить, таванить* из мансийских (или соответствующих селькупских) данных. Гораздо вероятнее тюркское происхождение этого термина — из слов, обозначающих подошву, иногда п я т к у (ср. 'грести взадпят' = *табанить, таванить*: общетюркск. *табан* 'подошва' (и *таба(н)* 'в направлении к чему либо' (!))⁷. Русские перевозчики на крупных реках южных степей были поселены еще в XIII в. монголо-татарскими завоевателями, о чем имеются документальные свидетельства современников.

Известно также, что господствующим языком Золотой Орды был не монгольский, а тюркский (кыпчакский) язык.

Покойный Н. К. Дмитриев неоднократно указывал на неизбежность возникновения при тесных тюрко-русских контактах особого рода жаргонных выражений, объяснимых лишь при учете и русских и тюркских данных вместе, — часто в очень своеобразном сплетении. По-видимому, это и имеет место в данном случае; мы считали необходимым напомнить это; у Фасмера учтена лишь одна сторона вопроса: территориальное распространение слова *табанить, таванить*, не позволяющее приписать этому элементу русской лексики мансийское происхождение. Заметим, что в настоящее время термин *табанить* широко распространен среди моряков (см., например, П. С. Новиков-Прибой, Цусима).

Необходимо добавить здесь еще одно указание: финно-угорские заимствования (точнее — субстратные включения) вообще (за

⁷ См.: В. В. Р а д л о в. Опыт словаря тюркских наречий, т. III, ч. 1. СПб., 1905, стр. 963—964; А. И. П о п о в. Из истории славяно-финноугорских лексических отношений. — «Acta Linguistica». Budapest, 1952, fasc. 1, 2—4, стр. 249—272.

редчайшими исключениями) имеют тенденцию распространяться только к востоку и северо-востоку — вместе с передвижением соответствующих групп русского или обрусевшего населения, но не к югу и не к западу; в противоположность этому тюрко-татарские заимствования свободно распространялись в русских говорах, — без принятия особого преимущественного направления.

Не рассматривая здесь исторические причины этого рода явлений, мы можем перейти теперь к другому примеру — *сонец* (*сапец*), русское диалектное слово, обозначающее в разных говорах 'руль', 'часть руля, находящуюся в воде', 'рукоятку руля', 'черпак, которым отливают воду из лодки' и т. п. вплоть до значения 'короткая часть цепа' (лужск.)⁸.

М. Фасмер, которому были известны эти материалы только частично, говорит о данном термине довольно осторожно — со ссылками на Калима, Паасонена и Кеттунена, — определяя свое отношение к делу словами: «Wird gewöhnlich erklärt aus estn. *saps* G. *sapsu* dass. ('Steuerruder'), liv. *saps* dass., die zu finn. *sapsa*, *sapso* 'Vorderbug' (т. е. передняя лопатка животного) gestellt werden». С колебанием учитываются и саамские возможности. Между тем в действительности только ливское слово *saps* 'Steueruder' и соответствующее диалектное эстонское (на Чудском озере) имеют сюда более или менее прямое отношение.

Вообще же говоря, эст. *saps* (gen. *sapsu*) означает переднюю лопатку животного (например, лошади) и вряд ли может служить очень надежным оригиналом русского *сонец—сапец* 'руль'.

Имеется, однако, другая возможность (как и в случае со словом *табанить—таванить*) — тюркское происхождение термина *сонец—сапец*, из общетюрк. *sap* (тур., туркмен., алтайск., хакас. и проч.) 'ручка', 'рукоятка', 'древко', 'держалка' и т. п., *sapmak* (тур.) 'поворачивать', 'сворачивать' (и много других материалов этого рода).

Известно, что в прошлом (XVII в.) термин *сонец—сапец* был распространен не только на Севере, встречаясь (по астраханским и донским актам) на Волге и на Дону, хотя ныне там он и не зарегистрирован.

Таким образом, весьма возможно, что этот термин (как и *табанить—таванить*) явился с Юга, оставшись на Севере только при поддержке эстонского *saps*, случайно созвучного слову *сапец—сонец* и имевшего первоначально совершенно другое значение. Как бы то ни было, вопрос здесь решается далеко не так просто, как это думал решить Яло Калима и др. в свое время. Мы не можем здесь развивать подробно соответствующие аргументы и только подтвердим основную мысль о том, что необходимо учитывать не только теперешний ареал распространения диалект-

⁸ Б. Л. Богородицкий. О термине *сонец, сапец* — руль. — «Псковские говоры». Псков, 1962, стр. 179.

ного слова, но и направление движения потоков носителей данного диалекта, а также возможности образования жаргонных слов с мешанного происхождения и других обстоятельств, определенных различными историческими причинами.

* * *

Весьма нередко причиной ошибок современного этимолога является незнание с древними источниками, содержащими то или другое слово, следы которого в письменности и в разговорном языке впоследствии пропали. Это относится и к Фасмеру, который знаком с летописями и многими древними актами лишь из вторых рук. При этом, естественно, соответствующие толкования не являются плодом новых соображений, а основываются на чужих мнениях, из которых выбирается что-то, кажущееся наиболее подходящим.

Типичный пример представляет слово *толковин*, попадающееся в древнерусской письменности только дважды: один раз в Начальной летописи и однажды в «Слове о полку Игореве». Это слово означает 'помощник', 'союзник', что в свое время показал В. И. Григорович, найдя в одном древнем именнике глоссу: «Александр—толковин, сиречь помощник. . .» Как в летописи, так и в «Слове» *толковин* только и может означать 'помощник', 'союзник' (от *толока* 'общее дело, общая помощь'), — и это бесспорно правильное мнение было принято многими⁹. Между тем Фасмер пытается, вслед за другими, понять это слово как 'толмач' исходя из того, что будто бы существовало печенежское племенное имя *Τουλάτσοι*, указанное Константином Порфирогенетом. В действительности ничего подобного нет, — в подлиннике сочинения Константина стоят имена *Ταλματ* и *Βοροταλματ*, причем русская летописная традиция имеет также *Печенеги Долматы*, а *Толмачи* — это только домысел ученых комментаторов нашего времени, основанный на совершенно невероятных предположениях (с ними можно познакомиться, например, по работе К. Менгеса)¹⁰.

Не менее удивительна судьба толкования одного тюркского термина, несколько раз встречающегося на страницах южнорусской летописи домонгольского времени: *сайгат*. Фасмер поясняет: 'Beute', 'Kriegsbeute', что совершенно не соответствует истине. В действительности *сайгат* означает 'дар вельможе, высокопоставленному лицу (хану, князю, боярину), старшим родственникам', — обычно из военной добычи; это последнее обстоятельство и явилось основанием ошибки, повторенной Фас-

⁹ См., например: А. Я. Ефименко. История украинского народа, вып. 1. СПб., 1906, стр. 42.

¹⁰ К. Менгес. The oriental elements in the vocabulary of the oldes Russian Epos, the Jgor'Tale. New York, 1951.

мером. Слово *сайгат* было правильно объяснено Н. Г. Чернышевским, что отметил в свое время П. М. Мелиоранский в статье «Заимствованные восточнославянские слова в русской письменности домонгольского времени»¹¹. Поэтому ошибка Фасмера, как и многих других этимологов, объяснима только тем, что ему остались мало известны работы русских тюркологов (П. М. Мелиоранский, Ф. Е. Корш) по этому поводу¹² и он воспользовался известными «Материалами. . .» И. И. Срезневского, где стоит неправильное объяснение: «сайгат. . . военная добыча, трофей». Еще определенной выступает малая осведомленность Фасмера в статье *Кощей*.

По мнению Фасмера, это 'Gefangener, Sklave, Diener, Knecht', что не может быть принято — ни по древнерусским, ни по тюркским материалам (последних очень много). Эти материалы показывают, что тюркское *кошчи* имело несколько значений, и главное из них: 'воин, имеющий поводную лошадь, на которой увозили знатных пленников и наиболее ценную добычу'. Поэтому князь Игорь и «выседе из седла злата, а в седло кощиево».

В этом смысле слово *кощей*, *кощей* применялось и среди русских дружинников, так что совместно упоминаются «седельники и кощеи» (Ипат. 1170 г.).

Однако на русской почве — среди народа оседлого, занимающегося земледелием, слово *кощей* приобрело еще особое значение, соответствующее тому, которое выражено фразой: «была бы чага по ногате, а кощей по резане». Об этом втором смысле нетрудно догадаться по соответствующим лексическим данным оседлых тюркских народов (например, узбеков) и их соседей (таджиков), — там *кошчи* значит 'пахарь, имеющий упряжку с парой (кош) животных'.

Наконец, применялось слово *кощей* в домонгольской Руси и в смысле 'походный слуга', 'казачок' (как и в тюркской среде)¹³.

* * *

Из рассмотренных примеров достаточно ясно, что важнейшими причинами недостаточности современных приемов этимологизации являются, как и указывалось в начале сообщения, неполнота привлекаемого лексического материала, недостаточный учет разного рода соответствующих реалий, слабость исторической подосновы, в частности непонимание неравноценности различных слоев лексики языка и отсутствия — в этом плане — единой системы развития слов; многие из этих слоев сильнее всего образом от-

¹¹ ИОРЯС X (1905), кн. 4, стр. 125—127.

¹² И действительно, в списке использованной литературы у Фасмера нет упоминания о статьях Мелиоранского и Корша (в ИОРЯС).

¹³ Подробнее см.: А. И. Попов. Кыпчаки и Русь. — «Уч. зап. ЛГУ», № 112, серия исторических наук, вып. 14, 1949.

клоняются от тех правильностей и норм, которые твердо установлены для других разделов лексики.

Так, например, в уже упоминавшейся работе «Из истории лексики языков Восточной Европы» мы старались показать, что технические и профессиональные термины (разных эпох), а также и вообще слова, употребляемые не всеми слоями общества, а только определенными социальными группами, изменяются и развиваются в течение своей истории по особым путям. На деле все это надо учитывать, и притом с большой тщательностью.

Весьма важно то обстоятельство что этимология значительного числа слов принципиально не может быть определена, — ввиду чрезвычайной сложности их истории, на протяжении которой возникло множество влияний и сближений с другими элементами лексики (своими и чужими), в результате чего слово нередко изменяется до неузнаваемости — с полной потерей прежнего звукового состава и с возникновением многих побочных форм. В таких случаях мы получаем вместо надежной прямолинейной этимологической цепи целую паутину схождения и расхождений, распутать которую, повторяем, нельзя принципиально.

В таком докладе, разумеется, нельзя осветить все это подробнее. Во всяком случае, как видно отчасти из выбранных нами примеров и поправок к ним, здесь можно многое сделать, приблизив работу этимолога к такому состоянию, когда результаты будут неоспоримы и убедительны для всех.

По всей вероятности, эта работа должна выполняться не одним лицом, а целым коллективом.